

КУПАВА ОГИНСКАЯ

НЕ ДАРЕННЫЙ
ПОДАРОК
МОРРА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-36

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на обложке
С. Дудина

Огинская, Купава.
О-36 Не дареный подарок. Морра / Купава
Огинская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Академия Магии).

ISBN 978-5-04-103269-2

Тяжела студенческая жизнь. Ох как тяжела! Тут не каждый человек справится, что уж говорить про маленькую безобидную нечисть, волею судьбы и благодаря самодурству директора попавшую в военную академию в качестве студентки.

Вот только Морра не считает себя маленькой и безобидной. Она опасная рагра и еще всем это докажет. Конечно, после того, как разберется с очень неприятной и весьма хищной проблемой, которая почему-то решила ею подзакусить. Невзирая на когти, зубы и высшее образование.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103269-2

© Огинская К., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая МЕТАТЕЛЬНАЯ

Кадеты выходили из портала по одному. Лениво спрыгивали на пол и проходили мимо, не забывая с любопытством коситься в мою сторону.

Я топталась в тени, грызла ногти и старательно не замечала их взглядов. Мои истрепанные за последние недели нервы нуждались в срочном восстановлении, а помочь в этом мог только хозяин. Мой драгоценный хозяин, бросивший меня одну в академии на целый месяц... опять. Гад бесчувственный.

Когда Илис показался на платформе, я бросилась к нему, разрываясь между желаниями его придушить и обнять. До хозяина оставалось всего два шага, когда, поймав насмешливый взгляд, я пришла к выводу, что лучше всего будет задушить его в объятиях, что и попыталась проделать.

Вот только Илис не душился, на ногах стоял твердо и возмутительно мало внимания уделял процессу своего умерщвления. Он был преступно равнодушен, и меня очень тянуло назвать его «хозяином», назначив срок своей нелюбви. Длительностью на пару лет, не меньше. Но Морра не могла себе этого позволить. Морра не была рагрой, Морра была почти человеком. Морру стоило только пожалеть.

А он вот не жалел.

— Морра, я тоже очень рад тебя видеть, но, может, ты меня отпустишь?

— Не могу...

— Так соскучилась? — фыркнул он, предпринимая безрезультатную попытку меня от себя отодрать.

Я не отдиралась и продолжала на нем висеть, почти не касаясь ногами пола.

— Илис, миленький, родненький, а забери меня обратно? Что тебе стоит? Пожа-а-алуйста? Я буду хорошей, я буду тихой, очень примерной рагрой, обещаю, только забери, — задыхаясь от переполнявших меня эмоций, прошептала я.

— Куда забрать?

Тугодумие хозяина просто поражало воображение.

— Себе забери!

— Морра, что-то случилось? — осторожно поинтересовался он, прекратив дергать меня в разные стороны и наконец-то обняв.

— Они спрашивают, и трогают, и спрашивают, и... в виде рагры меня меньше трогали, чем теперь!

— Кто трогает? — угрожающе спросил он.

И я бы обрадовалась и сдала всех с потрохами, даже список бы составила, чтобы Илису было проще с ними разбираться. Останавливало лишь осознание того, что девушек он бить не будет. Хотя небольшая надежда все же имелась, потому я призналась:

— Одногруппницы!

Выпустив из захвата шею и утвердившись на полу, я с надеждой взгляделась в его лицо, но того, что хотела, так и не увидела.

Илис молчал, Илис был в шоке, Илис готовился бессовестно ржать.

— Тебя трогают твои одноклассницы? — переспросил этот гад, и губы у него подрагивали, стремясь растянуться в улыбке.

— И вопросы задают: как мне в лесу жилось, почему у меня такие интересные уши, как я добилась такого цвета глаз и каким шампунем пользуюсь. — Запнувшись в конце, я трагично взмолилась: — Илис, спаси!

И он заржал. Генерал понимающе ткнулся лбом мне в бедро, выражая сочувствие. Даже после того как научился говорить, он предпочитал молчать и слушать. Просто мужчина мечты, как сказала бы Атави — одна из моих одноклассниц. Самая невыносимая из всех.

— Не напомнишь мне, Тайс, встречали меня когда-нибудь с практики хоть в половину так же радостно? — ехидно спросили за спиной, спасая хозяина от неминуемой расправы.

Керст стоял всего в нескольких шагах от нас, покачиваясь с пятки на носок, и выглядел очень довольным. Сильно потрепанным, с перевязанной до локтя рукой, но совершенно, просто абсолютно счастливым. А у ног его черной лентой развалился Кадай, и выглядел аспид измотанным и злым, в отличие от своего хозяина.

— Его раньше тоже так радостно не встречали, — проворчал рыжий, топтавшийся рядом со своим котом.

Энарик, с легкой руки Кадая после громких и очень негодующих воплей Тайса ставший Риком,

сидел прямо на холодном полу и с остервенением вылизывал левый бок. Остальное его совершенно не волновало.

— А его и сейчас никто не встречает, — злобно прошипела я, возмущенная поведением хозяина.

Илис продолжал посмеиваться и на меня смотрел со снисходительной жалостью.

Если бы я с ним и дальше жила, то этой ночью на одну пару сапог у него стало бы меньше. Но директор отселил меня на другой этаж, и Илис снова стал полноправным хозяином своей комнаты.

— Да уж мы видели, как ты ему на шею бросилась, — беззлобно усмехнулся Керст, бесстрашно встретив мой гневный взгляд.

Одернув жилет, синенький, не так давно приобретенный, но уже ответственно мною заношенный, я гордо вздернула нос, пытаюсь определиться, как стоит на все это реагировать.

— Пойдем, — велел Илис, приобняв меня за плечи, — отведем Рована в виварий, и ты расскажешь, как сильно по мне скучала.

За прошедший месяц хозяин, видимо, забыл, что в этом ужасном человеческом теле мой характер совсем испортился и со мной нельзя так обращаться. Нервы ни к черту, хронический недосып, да еще это буйство женских гормонов, которых во мне, судя по всему, пара ведер и небольшая кастрюля, делали из меня не запуганную маленькую рагу, а кроважидное, страшное чудовище — такую пушистую зубастую ужась, которую за хвост лучше не дергать.

А хозяин вот дергал, самозабвенно и бесстрашно, и рисковал в скором времени получить по за-

слугам. Мне, как девушке (слово-то какое страшное) нервной и впечатлительной, были свойственны вспышки агрессии, о которых хозяин пока не знал.

Я бы о них тоже ничего не знала и очень тяжело переживала свою непонятную неуравновешенность, если бы не Кадай, дружелюбно просветивший меня на эту тему.

Его это вживание в человеческое тело настигло почти десять лет назад, воспоминания износились, но не утратили былой яркости, и он во всех подробностях и ненужных деталях обрисовал мои печальные первые пару лет, когда хищник, заточенный в человеческом теле, будет рваться наружу, а не находя выхода — беситься. И пусть я не хищник, но дури во мне, как оказалось, тоже много, что делало процесс полного очеловечивания очень мучительным.

Первые месяцы, когда рагрой я была больше, чем человеком, все казалось не таким уж и сложным. Но теперь, когда в последний раз в рагру я превращалась три дня назад и на тридцать минут, человеческий облик казался совершенно неудобным, ненужным и невыносимо чужим.

— Илис, я так долго не протяну. — Вцепившись в его рукав, я семеня следом и с тоской поглядывала на широкое плечо. А ведь когда-то я на нем сидела... — Быть человеком просто ужасно.

— Ты это уже говорила.

— И ты обещал, что все изменится к лучшему! — Выдержав недолгую паузу, я мрачно выдохнула: — А ничего не меняется.

Илис молчал долго. Мы успели дойти до вивария, и только там, открыв передо мной дверь, он спросил:

— Отец что-нибудь говорит?

— Успокоительное предлагает.

Генерал неодобрительно фыркнул. Несмотря на то что он был согласен с директором и требовал, чтобы я училась и привыкала к человеческой жизни, сложившаяся ситуация ему не нравилась.

— А ты?

— Не буду я пить успокоительное. Оно на меня странно действует.

— Чем я могу помочь?

— Хочу обратно в рагры, не хочу больше быть человеком.

Виварий был все так же малолюден, тих и неожиданно уютен. Проходя мимо вольеров, я поймала себя на мысли, что готова была бы здесь жить.

Вот только Илис совсем не хотел брать назад наглую и очень вредную горную нечисть.

— Потерпи, — велел он, запуская линорма в вольер.

Хозяин был занят и не мог видеть, как меня перекосило от его слов. Потерпи... Легко сказать, а как мне терпеть, когда терпелка уже давно сломалась? Еще немного, и, вполне вероятно, появятся жертвы.

— Меня не жалко, так хоть студентов пожалей, — предприняла я последнюю попытку. — Я же загрызу кого-нибудь.

Генерал насмешливо рыкнул, обозначая свое отношение к моим словам. Я была совершенно

неопасной нечистью, даже в человеческом виде, и все об этом знали. И директор, и хозяин, и Илли, и даже Рован, не говоря уже о Кадае, который не упускал случая самолично напомнить мне о моей слабосильности. Студенты могли спать спокойно: бешеная Морра им была не так уж и страшна.

— Морра... — Илис был очень серьезен, когда, взяв за плечи и проникновенно заглядывая в глаза, с полной верой в свои силы попытался меня подкупить: — Я обещаю, если ты продержишься до зимы и сможешь сдать сессию, я возьму тебя в горы на все зимние каникулы. Там ты сможешь круглые сутки быть рагрой. Успокоишься, отдохнешь, наберешься сил...

— Чтобы по возвращении снова страдать?

— Всего три года.

Погладив меня по голове, он уверенно произнес:

— Ты справишься.

Я в этом сильно сомневалась, но все равно сдавалась.

— На зимние каникулы в горы, — повторила угрюмо, чувствуя себя очень героической личностью. — Хорошо.

Такая смелость, такая жертвенность... такая дурость, если честно.

Илис разулыбался и, в порыве нежных чувств, совсем не свойственных суровой натуре боевых магов, чмокнул меня в лоб.

Я посчитала это недобрым знаком и приготовилась отбрасывать лапы.

А хозяин мог бы научиться и в щеку целовать. Обитая в среде студентов, я легко переняла всех их тараканов. Включая нездоровую суеверность вечно замученных некромантов. От них же и узнала, что в лоб целуют только покойников, черная кошка к беде, а неупокоенный мертвяк к пересдаче.

* * *

«Люди — несчастные, замученные, вынужденные постоянно страдать создания» — так думала я, сидя на лекции по травничеству и пытаясь понять, зачем им нужно столько бесполезной информации.

Если повсеместно используются простонародные названия растений, то к чему зубрить еще и их обозначения на мертвом языке? Или для чего мне разбираться в разновидностях селеры, если все ее виды используются только в лечении желудка? Или...

— Драгхар! — рявкнул профессор Ивс Талэни, хлопнув ладонью по столу. Тщедушный и совершенно безобидный на первый взгляд, он был громок, злобен и невероятно злопамятен.

А я, по своей рагровской наивности, на первом же занятии попыталась качать права, задавать глупые вопросы и, как утверждал сам профессор, «строить из себя специалиста», за что теперь и огребала почти каждую пару.

На самом деле права я не качала, а все мои глупые вопросы были очень умными, потому что я, в отличие от профессора, ничего не смы-

слила в травничестве, но лекарственные растения знала неплохо, всю жизнь полагаясь в выборе нужных мне трав на обоняние и интуицию, которая у нечисти, как правило, очень хорошо развита.

— Я могу узнать, чем вы занимаетесь?! — не сбавляя громкости, поинтересовался Талэни. От его голоса стекла в оконных рамах дрожали, потревоженные сокрушительной силой звука, таящегося в столь щедедушном создании.

— Слушаю лекцию.

— Прекрасно! — Если судить по покрасневшей морде его лица, ничего прекрасного он не видел и нагло врал. Нагло и очень громко. — В таком случае будьте любезны, повторите, что я только что сказал?

— Э-э-э... что вся ценность девясила заключается в корне и корневище и что лепестки его цветков, которые некоторые лекари добавляют в настои, не имеют никакой лекарственной силы и призваны лишь придать отвару привлекательный вид, а в большом количестве являются даже опасными для здоровья...

— Достаточно, — отмахнулся он от меня, немного успокоившись и возвращаясь к лекции.

И все-таки люди очень несчастные создания! Очередное подтверждение этому я получила после пары, в коридоре.

— Морра! — Ная, будто бы караулившая под дверью аудитории, была, как всегда, очень рада меня видеть. Первое время меня это настораживало, потом удивляло, теперь немного раздражало.

Ная была слишком бесцеремонной, чтобы обращать внимание на чужое недовольство. К сожалению, ее нельзя изменить, с ней можно только смириться. И я смиренно встретила и ее объятия, и громкий смех над моим ухом. И собиралась выдержать еще многое.

— Ты же одна живешь?

— Ну... — Меня прекратили тискать и потащили по коридору, крепко держа за руку. Ладонь у нее была горячей, пальцы сильными, а хватка костедробильной. — Да.

— Тогда я поживу у тебя недельку?

— Что?

— У вас же комнаты на двух студентов рассчитаны, — бойко заговорила она. — Вторая кровать у тебя есть, но соседки нет, а мне нужно на недельку, максимум на две, переселиться куда-нибудь из своей комнаты.

— Зачем?

Теперь-то я поняла, что тащили меня в общежитие, не давая возможности отказать или сбежать.

— Один гад мне дверь зачаровал. Теперь без боя ни в комнату не попасть, ни выбраться из нее. Я пыталась плетения взломать, но куда там. Каждый день прорываться к себе я просто не смогу.

— А если к директору обратиться?

Я, как нечисть, привыкшая к постоянному присутствию Аррануша в своей жизни, не поняла, почему Наю так ужаснуло мое предложение.

— Ты с ума сошла? Придется же объяснять, кто и за какие заслуги мне мстит.

— А тебе, значит, мстят? — ехидно переспросила я.

Подарив мне возмущенный взгляд, моя навязанная соседка (а отвязаться от нее уже не получится, факт) дотащила меня до нужного этажа, где какая-то бледная первокурсница топталась около двух сумок, затравленно оглядываясь по сторонам.

— Спасибо, — Ная широко улыбнулась, демонстрируя острые, очень оборотнические клыки, — можешь идти.

Запуганная девица сбежала, бросив на меня сочувственный взгляд.

— Ты что с ней сделала?

— Просто попросила присмотреть за вещами, — беспечно пожала плечами Ная.

Я почему-то была уверена, что это не вся правда.

— И?

— Она отказалась, пришлось уговаривать.

Ная улыбалась, а я очень отчетливо поняла, что не хочу знать, как именно она ее уговаривала.

Мамочка моя пушистая, и вот с ней вот встречался хозяин! Как он только выжил-то? А как выживу я? И выживу ли?

— Ну что, пошли. Покажешь, где я буду жить.

Теперь почему-то даже мысли о неделе в горах больше не спасали. Оно того не стоило. Вот вообще ни разу.

А так как страданий моих короткий отдых за пределами академии тоже не стоил, я решила не трепать себе нервы и сдать город врагу. То есть комнату оставила Нае, а сама, быстренько собрав

все необходимое, пока оборотница принимала душ, побежала к хозяину.

— Я требую меня приютить! — Мой громкий вyak поддержала дверь, хорошенечко грохнувшись о стену.

Илис, до этого читавший на кровати книгу, подскочил и уставился на запыхавшуюся решительную меня, прижимавшую к груди свои пожитки.

Да, я сбежала из своей собственной комнаты, но едва ли кто-то мог меня за это осудить. Я не могла жить с посторонним человеком, я еще не настолько обвыклась в этой их студенческой среде, чтобы чувствовать себя комфортно в замкнутом пространстве наедине с кем-то. Конечно, за исключением Илиса. Но его я посторонним человеком не считала, он же был моим замечательным хозяином.

— Ты что здесь делаешь?

Мне как будто оказались не рады.

— Ная заняла мою комнату, теперь я буду жить с тобой.

Илис жить со мной не хотел, а потому пошел разбираться.

В итоге я оказалась сидящей на своей кровати, в своей комнате, сумка с вещами была закинута в шкаф, а Илис, выслушавший душеспитательный рассказ Наи, пообещал ей серьезно поговорить с шутниками и ушел, тяжело глянув на прощание.

— Жалко все-таки, — вздохнула Ная, рассеянно уставившись на закрытую дверь.

— Жалко?

Мне вот, например, очень жалко, что хозяин у меня такой непробиваемо дубовый, а она-то о чем жалеет?

— Жалко, что он не встретил тебя на два года позже, — вздохнула она.

— Ты никого еще не нашла себе, — догадалась я.

Ная, мученически простонав, упала на кровать рядом со мной.

— Был бы у тебя брат, — пробормотала моя соседка по комнате.

Соседка...

* * *

Утешая себя тем, что это всего на неделю, максимум на две, я прожила с Наей в одной комнате почти месяц. И это было очень трудное время. Но все стало только хуже, когда я поняла, что возвращаться к себе она не хочет.

Илис, как исключительно талантливый дипломат, поговорил с защитниками и всей силой своей убедительности заставил их снять заклинание с двери оборотницы. Потом, конечно, он пришел к Нае и заставил ее выслушать почти часовую лекцию о том, как нехорошо издеваться над второкурсниками, особенно когда они защитники и просто дать в морду не могут. Зато могут вот так вот, при помощи своих знаний и хитрости, усложнить жизнь врагу.

Во время всего этого монолога я сидела рядом с Наей, которая потребовала от меня моральной поддержки, хотя сама просто прикрывалась моим несчастным телом от недовольства Илиса.